

СОКОЛОВ Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент; преподаватель филиала Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Калининграде (236039, Россия, г. Калининград, Ленинский пр-кт, 42б; sas555@mail.ru)

РОЛЬ И МЕСТО ОРГАНОВ ВЧК В ПОЛИТИКЕ КРАСНОГО ТЕРРОРА

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли органов ВЧК в механизме репрессивной политики в годы Гражданской войны. Через призму деятельности органов государственной безопасности Советской России на основе документальных источников рассматриваются факторы, оказавшие определяющее влияние на репрессивную политику большевиков. Автор выявляет многочисленные особенности террора в годы Гражданской войны.

Ключевые слова: ВЧК, красный террор, уголовное право, Гражданская война

Вотечественной историографии Всероссийской чрезвычайной комиссии (далее – ВЧК) тема репрессий не обделена вниманием. Между тем ряд авторов выступают с крайне негативной характеристикой чекистов [Симбирцев 2008; Тепляков 2007], а другие, наоборот, предпринимают попытки защиты органов ВЧК [Велидов 2011]. В то же время необходимо отметить, что наметилась тенденция комплексного научного подхода в изучении террора в годы Гражданской войны [Ратьковский 2006]. При этом тема эта до сих пор остается актуальной.

Как известно, в сентябре 1918 г. принимается постановление СНК «О красном терроре», по которому подлежали «расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»¹. Можно согласиться с мнением О.Б. Мозохина о бесперспективности поиска правых и виноватых в вопросе проведения политики террора, а также попыток определения начала красного и белого террора [Мозохин 2006: 24]. Между тем очевидно, что позиция центральной власти оказывала одно из определяющих влияний на проведение красного террора. На этот фактор указывают дела против чекистов, которые злоупотребляли своим полномочиями при проведении репрессий, а также развитие советского уголовного законодательства.

Среди официальных расследований злоупотреблений чекистов заметно выделяется дело Вятской губчека. В эту ЧК 3 ноября 1918 г. была подана коллективная жалоба заключенных рабочего дома, в которой указывалось, что администрация применяет к ним неодинаковый режим и проводит разницу между бедняками и «буржуями»². Чекисты провели обыск и допрос надзирателей, арестовав 4 человек. При этом допрашивали подозреваемых с применением силы и угроз, предъявив им обвинение в спекуляции и избиении заключенных. Кроме того, тюремному врачу Чапурскому, священнику Попову и бывшему городовому Кочурову было предъявлено обвинение в участии в казни революционера т. Лобова.

Вятский губисполком отношением № 4328 от 9 декабря 1918 г. потребовал от губчека выдать арестованных под расписку. Однако чекисты не только проигнорировали это отношение, но и приговорили арестованных к расстрелу. В ночь с 10 на 11 декабря 1918 г. в присутствии председателя Медведева и чле-

¹ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг.: сборник документов. М.: Политиздат. 1958. С. 182–183.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1005. Оп. 1а. Д. 116. Л. 20.

нов коллегии ЧК приговор был приведен в исполнение. При этом солдаты из отряда ЧК занимались мародерством¹.

Дело вятских чекистов дошло до Верховного революционного трибунала при Всероссийском центральном исполнительном комитете (далее – ВЦИК). Однако в материалах дела приговора нет. В деле есть лишь заключение следственной комиссии при трибунале, в котором факт избиения арестованных был признан доказанным; установлено, что расстрел в ночь с 10 на 11 декабря 1918 г. был произведен без достаточных оснований и дискредитирует советскую власть². Между тем М.А. Медведев, протокол допроса которого есть в деле³, продолжил службу в органах ЧК⁴. Тот факт, что председатель Вятской ЧК после разбирательства по делу о незаконном и жестоком расстреле надзирателей продолжил свою службу, говорит о том, что ВЦИК все-таки проводил разницу между террором против представителей враждебных классов и террором против беднейших классов. Это особенно бросается в глаза на фоне наказаний чекистов за незаконные действия, но уже в отношении представителей крестьян и рабочих⁵.

Заметное влияние на становление репрессивной политики оказало развитие советского уголовного права. Декретом СНК «О суде» от 5 декабря (22 ноября) была учреждена система советских судов, основу которой составляли новое законодательство, а также «революционная совесть и правосознание»⁶. Столь неопределенная трактовка в построении основ судебной системы породила массу кривотолков и злоупотреблений. К тому же ключевую роль сыграл тот факт, что в советском законодательстве состав преступления по контрреволюционным действиям был определен в ст. 57 Уголовного кодекса РСФСР, принятого только в 1922 г. [Агузаров 2013: 30]. Это на практике привело к господству субъективизма, когда определяющим вину доказательством считалось принадлежность обвиняемого к старому господствующему классу. При этом бросается в глаза появление декрета СНК «О борьбе со спекуляцией» от 22 июля 1918 г., в котором был определен и состав преступления, и санкции⁷.

На ситуацию с влиянием права на общество и политику органов ВЧК проливает свет и история с собственностью привилегированных классов царской России. Советская власть изымала из собственности этих классов не только предприятия, фабрики, заводы и магазины, но и предметы роскоши. В этом отношении определенный интерес для понимания происходящего в обществе имеет вопрос с конфискацией драгоценных металлов. Дело в том, что постановление Высшего Совета народного хозяйства «О золоте и платине» от 12 января 1918 г. устанавливало монополию государства на золото и платину весом свыше 16 золотников (68,256 г), а упомянутый декрет СНК «О борьбе со спекуляцией» от 22 июля 1918 г. вводил наказание на срок не ниже 10 лет за их сбыт, скупку или хранение⁸. В результате среди ведомостей ЧК в списках конфискованных вещей числятся не только предметы роскоши, но и медали⁹.

¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 269. Л. 7-7(об).

² ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1а. Д. 116. Л. 25-25(об).

³ Там же. Л. 46.

⁴ ВЧК. *Главные документы*. М. 2017. С. 414.

⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 16011. Оп. 1. Д. 4. Л. 106.

⁶ *Первые декреты Советской власти*. М. 1957. Т. 1. С. 124-126.

⁷ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. – ВЧК. *Главные документы*. М. 2017. С. 161-163.

⁸ *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР*. М. 1942. С. 255-258.

⁹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 159. Л. 53.

Очевидно, что такая политика властей не способствовала мирным процессам в обществе.

Заметное влияние на проведение красного террора оказало наличие всеобъемлющего антагонизма в русском обществе. К особенностям репрессивной политики можно отнести сведение счетов и крайнюю жестокость террора, а также массовость и огульность. Многие революционеры, пострадавшие в царское время, мстили своим обидчикам, да и сами чекисты были не прочь поквитаться с представителями царской охраны. К примеру, в декабре 1919 г. Сергиево-Посадская ЧК приговорила И.Ф. Латышева к заключению в концентрационный лагерь за то, что он, будучи старшиной Морозовской волости крестьян Троицких слобод, подал донос местному полицеймейстеру на революционера Д.И. Донского¹. В этой непримиримой борьбе случалось, что чекисты явно перегибали палку. Ведь сотрудники Вятской ЧК жесточайшим образом расправились с бывшими тюремными надзирателями. Тех, кто выжил после расстрела, добивали прикладами и рубили шашками². Этот случай свидетельствует о таком последствии антагонизма в обществе, как крайняя жестокость, причем с обеих противоборствующих сторон.

При этом самосуд был в первое время достаточно распространенным явлением для общества [Ратьковский 2006: 50]. В этом отношении уместно привести слова Ф.Э. Дзержинского из записки о цели создания ВЧК и ее работе с 1917 по 1922 г.: «...веками накопленное возмущение и ненависть пролетариата по отношению к классу угнетателей и защитников капиталистического строя выльется в ряд бессистемных правовых эпизодов, когда разбушевавшаяся стихия народного гнева будет сметать не только своих врагов, но и друзей, не только вредный и враждебный элемент, но и государственно полезный, я проектировал систематизацию карательного аппарата революционной власти»³.

В проведении политики красного террора нельзя снимать со счетов роль личности, которая в условиях господства принципа революционной законности оказывала значительное влияние на репрессивную политику. Дело в том, что в чекистской среде была весомая прослойка выходцев из рабоче-крестьянской и мещанской прослойки общества [Соколов 2017]. Среда, в которой происходило становление личности этих людей, была далека по своим реалиям от той, в которой должен нормально развиваться человек. Классовая ненависть находила серьезную подпитку в той обстановке, которая окружала рабоче-крестьянский класс. Важно отметить, что истоки такой ненависти уходят своими корнями в атмосферу дореволюционного времени.

Говоря о репрессивной политике, необходимо отметить такую особенность, как публичность. С одной стороны, большевики, активно используя пропаганду, показывали борьбу с врагами революции, а с другой — оказывали определенное воздействие на население. При этом подавалась информация как о расстрелах врагов советской власти⁴, так и о казнях сторонников большевиков белыми⁵. Можно говорить о том, что с помощью прессы большевики повышали градус классовой борьбы, что также указывает на фактор позиции центральной власти.

Между тем нельзя исключать и влияние пропаганды белых. Определенный интерес в этом отношении представляет протокол от 2 ноября 1918 г. о реви-

¹ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 2173. Оп. 2. Д. 11. Л. 5-6.

² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 269. Л. 7-7(об).

³ ГАРФ. Ф. Р5872. Оп. 2. Д. 20. Л. 3.

⁴ *Советская Сибирь*. 1920. № 135. С. 4.

⁵ *ВЧК уполномочена сообщить...* Жуковский; М.: Кучково поле. 2004. С. 57-58, 157-159; *Советская Сибирь*. 1919. № 45. С. 2.

зии комиссией штаба III дивизии Кунгурской ЧК. В этом протоколе подробно описывается карательная политика большевиков, включая расстрелы сотни человек без суда и следствия с участием представителей исполкома. Между тем этот документ является подделкой, которая появилась в недрах Министерства юстиции Временного сибирского правительства¹. Очевидно, что под влиянием подобных настроений находились и представители Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков, созданной главнокомандующим Вооруженными силами Юга России генералом А.И. Деникиным². Это ни в коем случае не снимает остроту проблемы репрессивной политики в Советской России. Между тем такой однозначный и поверхностный подход к этому вопросу не раскрывает всей картины происходившего.

При этом необходимо дать ряд пояснений о некоторых сторонах репрессивной политики большевиков и места в ней органов ВЧК. Нередко в карательной практике чекистов были дела, по которым приговоры выносились вполне справедливо. Об этом говорит тот факт, что в период реабилитаций в 90-х гг. XX в., когда было сложно обвинить правовую систему в предвзятости, прокуроры и их помощники неоднократно оставляли решение по делам органов ВЧК без изменений³.

Необходимо также отметить, что большевики все-таки реагировали на злоупотребления чекистов. Против вятских чекистов все же было заведено дело. Можно согласиться с мнением доктора исторических наук А.С. Велидова о ряде последовательных мер, принятых руководством страны по усилению контроля над ВЧК [Велидов 2011: 289-295].

Важным моментом является оценка итогов карательной политики, проводимой органами ВЧК. По официальным данным, общее число расстрелянных чекистами за 1918 г. составило 6 300 чел., за 7 месяцев 1919 г. — 2 089, а за 1921 г. — 9 7014 [Лацис 1920: 75]. Между тем с этими данными был не согласен казанский историк А.Л. Литвин, который утверждал, что официальные цифры «не отражали реалий того времени» [Литвин 1995: 88-89]. Аналогичную позицию занимал и С.В. Леонов, который пришел к заключению, что цифра, которую приводит русский историк в эмиграции С. Мельгунов (50 тыс. расстрелянных только за вторую половину 1918 г.), «следует считать нижним пределом, минимальной оценкой жертв красного террора» [Леонов 1997: 233].

Анализ официальных данных с мест позволяет говорить, что они требуют не только уточнения, но и пояснения. Во-первых, официальная статистика чекистов не учитывала расстрелянных при проведении боевых действий по подавлению восстаний или выступлений бандформирований. Так, при ликвидации Антоновского восстания участвовали как части ВЧК, так и Красной армии, что не позволяет определить точное число расстрелянных чекистами. Можно лишь говорить о том, что, согласно данным доклада командующего войсками внутренней службы В.С. Корнева, только к ноябрю 1920 г. «за весь период боевых операций по подавлению восстания убито бандитов до 3 000 человек»⁵. Во-вторых, непонятны критерии, по которым указывалась статистика, т.к.

¹ ГАРФ. Ф. 4369. Оп. 5. Д. 428. Л. 3-16.

² *Красный террор в годы гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков* (под ред. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского). М.: Терра; Книжный клуб «Книговек». 2013.

³ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 138. Оп. 1. Д. 106, 108; Ф. 239. Оп. 1. Д. 700.

⁴ Мозохин О.Б. *Статистические сведения о деятельности органов ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ (1918–1953 гг.)*. М.: ООО «ТД Алгоритм». 2016. С. 19-35.

⁵ *Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («антоновщина»): документы и материалы*. Тамбов. 1994. С. 71-72.

чекисты иногда выносили смертный приговор, но не приводили его в исполнение или приговаривали к условному расстрелу.

Все это позволяет говорить об относительности данных по итогам карательной политики, проводимой органами ВЧК. Следовательно, официальные цифры не совсем точны. В то же время нельзя согласиться с позицией С.В. Леонова о десятикратном занижении официальных показателей. Для большевиков публикация статистики о расстрелах в какой-то мере была элементом классовой борьбы, что вряд ли могло способствовать такому занижению цифр. Можно согласиться с мнением историка О.Б. Мозохина, исследовавшего не только официальные отчеты, но и протоколы местных чрезвычайных комиссий, что эта цифра не может составлять более 50 000 чел. [Мозохин 2006: 41]. При этом представляется более важным учитывать тот факт, что в условиях классовой борьбы и особенностей карательной политики большевиков среди них есть определенная часть лиц, которые были расстреляны без соответствующей нормам права доказательной базы.

Таким образом, репрессивная политика большевиков в годы Гражданской войны находилась под влиянием целого ряда факторов, среди которых ключевую роль играли позиция центральной власти, всеобъемлющий антагонизм в обществе и Гражданская война.

Позиция центральной власти определила законодательный процесс в Советской России, который только усугублял репрессивную политику, в т.ч. и проводимую органами ВЧК. Правовые акты, издаваемые правительством, не только не имели четкой регламентации, которая смогла бы объявить верховенство закона, но и, наоборот, были составлены так, что провоцировали общество на усиление классовой борьбы. В этом отношении очевидно, что направление деятельности чекистов в проведении карательной политики задавалось сверху. В этом контексте органы государственной безопасности Советской России были лишь одним из механизмов красного террора.

Все происходило в обстановке ненависти и крайней жестокости как с одной стороны, так и с другой. Последнее было следствием непреодолимого антагонизма в обществе, истоки которого имели глубокие корни, уходящие еще в дореволюционное время. Ведь анализ коллективного портрета чекистов говорит о том, что они в большинстве своем принадлежали к беднейшим слоям общества, которые не испытывали особой любви к привилегированным классам. На это указывают утвердившиеся в их среде понятия «свой» и «чужой». Важно и то, что на такой раскол общества работали как большевики, так и их противники. Между тем необходимо отметить, что большевики хоть как-то реагировали на злоупотребления чекистов, чего нельзя сказать об их оппонентах.

Список литературы

- Агузаров Т.К. 2013. *Охрана власти в советском уголовном праве (1917–1960 гг.): исторические очерки*. Владикавказ: ИПП им. В. Гассиева. 196 с.
- Велидов А.С. 2011. *Истории ВЧК – ОГПУ. Без вымысла и купюр*. СПб: Алетейя. 470 с.
- Лацис М.Я. 1920. *Два года борьбы на внутреннем фронте*. М. 86 с.
- Леонов С.В. 1997. *Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг.* М.: Диалог-МГУ. 356 с.
- Литвин А.Л. 1995. *Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг.* Казань: Татарское газетно-журнальное изд-во. 326 с.
- Мозохин О.Б. 2006. *Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953)*. М.: Кучково поле. 480 с.

Ратьковский И.С. 2006. *Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году*. СПб: Изд-во СПбГУ. 286 с.

Симбирцев И. 2008. *ВЧК в ленинской России. 1917–1922*. М.: Центрполиграф. 520 с.

Соколов А.С. 2017. О принципах и факторах кадровой работы в органах ВЧК. – *Власть*. Т. 25. № 11. С. 130-136.

Тепляков А.Г. 2007. *Процедура: Исполнения смертных приговоров в 1920–1930-х годах*. М.: Возвращение. 108 с.

SOKOLOV Andrei Sergeevich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor, Lecturer at the Kaliningrad Branch of St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economy and Law (42b Leninsky Ave, Kaliningrad, Russia, 236039; sas555@mail.ru

THE ROLE AND PLACE OF THE ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION FOR COMBATING COUNTER-REVOLUTION, SPECULATION, AND SABOTAGE (CHEKA) IN THE POLICY OF THE RED TERROR

Abstract. *The article is devoted to the study of the role of the All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution, Speculation, and Sabotage, also known as the Cheka, in the mechanism of red terror policy during the Civil War. The author agrees with the opinion of Doctor of Historical Sciences O. Mozokhin about the hopeless search for the right and the guilty in this matter, and believes that the study of the causes and characteristics of the repressive policy is very important. The paper through the prism of activities of the state security bodies of Soviet Russia, on the base of documentary sources considers the factors that influenced the repressive policy of the Bolsheviks. On the base of case study of Vyatka security officers, periodicals and criminal law of the time, the author proves that the key factor was the position of the central authorities of Soviet Russia. Meanwhile, it is impossible to belittle the importance of insurmountable antagonism in Russian society. The author also reveals the peculiarities of the terror during the Civil War and assesses the results of the punitive policy pursued by Cheka.*

Keywords: *All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution, Speculation, and Sabotage (Cheka), red terror, criminal law, Civil War*
